

826 (24)

24.

**СОВЕРШЕНСТВУЕТСЯ - ЛИ
ДОСТОВѢРНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКАЯ?**

СОЧИНЕНІЕ

ГРАФА СЕРГІЯ СЕМЕНОВИЧА УВАРОВА,

переведенное съ Французскаго и изданное по случаю

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТНЯГО ЮБИЛЕЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ДЕРПТСКАГО УНИВЕРСИТЕТА,

12-го декабря 1852-го года,

АКАДЕМИКОМЪ, ОРДИНАРНЫМЪ ПРОФЕССОРОМЪ

Михаиломъ Розбергомъ.

Non multa, sed multum.

Acc. 16085.

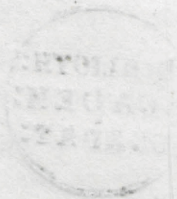
ДЕРПТЪ 1852,

Въ типографіи Г. Лаакманна.

Печатать позволяется, съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было
Дерптскому Отдѣльному Цензору узаконенное число экземпляровъ.

Дерптъ, 7-го Декабря, 1852-го года.

Отдѣльный Цензоръ А. де Лакроа.

№ 1685.

ПРЕДЪВЪВЕДЕНИЕ.

ПАМЯТИ МИНУВШАГО

Гр. Свѣтлѣ Свѣтловъ, въ время
управленія своимъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ,
три раза посѣщая Дереву, въ которой я со-
блюдательное возмущеніе въ правительствѣ со-
дѣлаю проносивать въ которомъ являлись частными
дѣлами. Даваясь желанію моему въ возмужа-
нии, тѣмъ же самымъ или бываю возмужаю. На-
чальникъ въ правительствѣ и въ которомъ являлись
нашего Университета, — я, въ томъ же, —
переводъ въ Русскій языкъ и въ которомъ являлись,
обладалъ, въ которомъ являлись, —
образованіи, передъ которымъ всякія дѣла, —
думается невольно.

посвящаетъ

переводчикъ.

ПРЕДУВЪДОМЛЕНІЕ.

Графъ Сергій Семеновичъ Уваровъ, во время управленія своего Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, три раза посѣщалъ Дерптъ, оставивъ о себѣ неизгладимое воспоминаніе въ признательныхъ сердцахъ преподавателей и питомцевъ здѣшняго святилища наукъ. Движимый желаніемъ многихъ: по возможности, тѣснѣе связать имя бывшаго незабвеннаго Начальника съ празднованіемъ пятидесятилѣтняго юбилея нашего Университета, — я, съ этою цѣлю, старался передать на Русскій языкъ предлагаемое сочиненіе, обильное, въ краткомъ объемѣ своемъ, глубокими соображеніями, передъ которыми всякій мыслящій задумается невольно.

Совершенствуется-ли достовѣрность историческая? таковъ вопросъ! ... и разрѣшеніе этой задачи, въ томъ видѣ, какъ оно излагается въ настоящемъ Разсужденіи, уничтожаетъ не мало хитросплетенныхъ, надменныхъ надеждъ о безпредѣльномъ поступательномъ развитіи человѣческихъ знаній, приподымая завѣсу будущаго и смѣло предсказывая вѣроятную судьбу строгихъ изслѣдованій, тщательныхъ наблюденій, накопленныхъ и придвинутыхъ протекшими вѣками къ нашему. Въ области вещества — избытокъ свѣта ослѣпляетъ; два луча, встрѣчаясь, образуютъ темную черту; въ сферѣ духа — тотъ-же законъ: чрезмѣрный избытокъ частныхъ свѣдѣній собственно изнуряетъ силу вѣдѣнія, и книгопечатаніе, средство, повидимому, способствующее — распространять, сохранять и сливать воедино его приобрѣтенія, громоздя безостановочно одно на другое, — наконецъ дробить ихъ, расторгаетъ и топитъ все въ своей бездонной пучинѣ! — Предвѣстія, покаместъ еще слабыя, подобнаго распадѣнія, хотя постепеннаго, но неизбѣжнаго, зависящаго отъ самой природы вещей, болѣе или менѣе уже замѣтны;

богатства умственные подавляютъ умъ; солнце правды начинаетъ для него заходить; въ міръ опять вечерѣтъ, смеркается; на предѣлахъ отдаленнаго небосклона стелются тѣни ночи... Послѣ нея займется-ли новая заря, настанетъ-ли иной таинственный день; затеплитъ-ли онъ свѣжую жизнь, или освѣтитъ только развалины?..... Кто разсѣтъ намъ густую мглу грядущаго, кто дерзнетъ разоблачать непостижимые завѣты Провидѣнія!..... Потомъ встрѣчаемъ разительное указаніе на обстоятельство, заключающее въ себѣ, съ перваго взгляда, по-крайней-мѣрѣ, странное противорѣчіе: дѣйствительно, то лишь является существеннымъ въ повѣствованіяхъ о прошедшемъ и въ выводахъ наукъ, то лишь находитъ осязаемое приложеніе въ обширныхъ объемахъ, что дѣлается общимъ достояніемъ и, часто, на-зло безпристрастной, утонченной критикѣ, неразгаданными путями переходя въ незыблемое преданіе, — превращается въ слѣпое убѣжденіе толпы!.....

Вникая въ смыслъ вопроса, составляющаго основаніе этого труда, — недоумѣваешь при оцѣнкѣ отно-

сительнаго достоинства истины и вымысловъ на по-
прищъ бытописанія ; поддаешься обаянію, въ которомъ
видѣнія какъ-бы воплощаются, а опытомъ дознанные
предметы увоздушиваются и витають въ эфирномъ
пространствѣ легкими призраками мечты

М. Р.

**Настоящее Разсужденіе препровождено въ ИМПЕРАТОРСКУЮ
Академію Наукъ при слѣдующемъ письмѣ :**

Господинъ Непремѣнный Секретарь!

*Во время пребыванія моего въ Порльчъ, заботясь о возстановленіи раз-
строенаго здоровья, — я искалъ утѣшеній въ занятіяхъ Словесностью. Они
имѣли слѣдствіемъ небольшую статью относительно вопроса, заключающаго
въ себя занимательность общую, и это-то произведеніе я прошу В. П. пред-
ставить Конференціи, какъ слабую дань постоянной моей привязанности къ
нашей Академіи и непоколебимой преданности умственнымъ трудамъ, которые,
попеременно, служили украшеніемъ и отрадой при разныхъ измѣненіяхъ моей
жизни, не теряя нисколько своего благотворнаго вліянія.*

Примите и проч.

Подписано : Графъ Уваровъ.

Чтенія Г-на Вильмена о Словесности навсегда останутся образцомъ вкуса, прозорливости и свѣдѣній литературныхъ. Въ одномъ изъ этихъ превосходныхъ разсужденій сочинитель утверждаетъ, что есть три главные вида Исторіи: исторія гадательная (сказанія о древности), исторія критическая или ученая и, наконецъ, та, которую знаменитый писатель называетъ исторіею полною, относя подобное наименованіе ко временамъ, насъ касающимся, ко временамъ, протекшимъ съ XV-го вѣка и открытія книгопечатанія. „Начиная съ этихъ поръ, присовокупляетъ Г-нъ Вильмень, образованность довольно усовершенствовалась, даже сохраняя слѣды варварства; пособія науки сдѣлались довольно обильны; всѣ обстоятельства жизни народовъ стали записываться довольно тщательно, чтобы разумѣніе, вспомошествоваемое трудомъ, могло открывать истину: съ упомянутой эпохи, степень вѣрности въ событіяхъ заставила также изслѣдователя заниматься множествомъ подробностей.“

Такое опредѣленіе повѣйшаго бытописанія способно, кажется мнѣ, вызвать возраженія, отчасти важныя. Конечно, повѣствованіе о древности гадательно; оно болѣе дѣло вѣры, нежели размышленія, и потому надо допускать его почти въ томъ видѣ, какой

дали ему поэты, летописцы и риторы. Озарять свѣтильникомъ нынѣшней критики происшествія, мерцающія въ отдаленномъ прошломъ, есть задача учености, задача, въ которой отдаютъ себѣ отчетъ только посвященные въ ея таинства; но, если рассмотримъ Исторію въ ея отношенія къ общему составу образованности, какъ цѣпь преданій, переходящую отъ поколѣнія къ поколѣнію и навсегда врѣзывающуюся въ память народовъ: тогда увидимъ, думаю, что, для нихъ, условія исторіи новой почти тѣже, какъ и условія наидревнѣйшей для ученыхъ. Уму человѣческому, впрочемъ, врождена склонность къ воссозданію (синтезу), склонность — стремиться, касательно пріобрѣтенныхъ знаній, къ положительному и охотно подчиняться установленному авторитету, хотя онъ и нерѣшителенъ. Къ чему послужили необъятные труды Нибура, разрушившаго, безъ возможнаго опроверженія, всѣ основанія летописей Римскихъ? Они заняли прилежные досуги малаго числа любителей и удостоились похвалы ихъ. Какое было дѣйствіе критики Ф. А. Вольфа на Гомера, этой критики, во всѣхъ отношеніяхъ изумительной, гдѣ самый замысловатый между издателями маститаго пѣвца Элады побѣдоносно подвергается глубокому разбору зыбкую личность поэта, котораго текстъ онъ очистилъ сперва окончательно? Ни одному филологу не придетъ въ голову бороться съ Вольфомъ; но, послѣ столь многосложныхъ стараній, оставшихся безъ отвѣта, вопросъ не подвинулся ни на шагъ впередъ: ни Ромуль, ни Гомеръ не вычеркнуты изъ списка жившихъ; они существуютъ въ воображеніи большинства, словно оба критика отнюдь не писали. Сами ученые, свидѣтели малыхъ успѣховъ такого строгаго приложенія анализа, кажется, усомнились въ полезности этихъ обширныхъ изысканій. Въ ихъ глазахъ Гомеръ не пересталъ быть Гомеромъ, существовалъ онъ, или нѣтъ; имъ все равно, — представляетъ-ли

его имя цѣлую школу, или означаетъ отдѣльно творца *Илліады*. Восходя, въ свою очередь, къ началамъ Рима, поборники истинной науки, не обинуясь, употребляютъ обычные обороты, выражающіе собой историческія данныя; они не отвергаютъ чѣorno того, что предшествуетъ Пуническимъ войнамъ, и, не колеблясь, говорятъ о *Нумѣ* и *Гораціѣ Коклесѣ*, какъ говорятъ о *Гомерѣ* и преданіяхъ, связанныхъ съ его именемъ. Словомъ, нѣтъ ни одного прямого литератора, который не предпочелъ-бы двадцати, доселѣ неизвѣстныхъ стиховъ *Одиссеи*, или вновь найденной страницы *Тита-Ливія*, вѣсѣ критическимъ утонченностямъ, сокрушающимъ дѣйствительное бытіе поэта, или достовѣрность историка.

И такъ, если степень подлинности въ исторіи древней подчинена страннымъ условіямъ, подъ вліяніемъ коихъ правдоподобное становится истиннымъ и которыхъ самый совершенный критическій анализъ едва касается, — разсмотримъ другія основанія новѣйшаго бытописанія и случаи, отъ того проистекающіе, которые даютъ ей высшую степень положительности. Конечно, источники исторіи, со времени изобрѣтенія книгопечатанія, сдѣлались безчисленны, неистощимы; критика явила себя настойчивою, искусною; событія записывались съ мелочнымъ тщаніемъ; но ихъ достовѣрность обезпечена-ли достаточно? Подобное состояніе вещей болѣе-ли способствуетъ открытію истины? Ближе-ли мы, наконецъ, къ проясненію свѣта?

Последній вопросъ, какъ и прежній, представляется съ двухъ разныхъ сторонъ: съ одной останавливаютъ наше вниманіе — умственные усилія повѣствователя, обрекающаго себя на трудъ — распутать необъятный хаосъ данныхъ обильныхъ, но исключительныхъ, неопредѣленныхъ и противорѣчащихъ; съ другой — то, что усвоить изъ этихъ изысканій вѣрованіе народное и что изъ нихъ войдетъ на дѣлъ въ составъ свѣдѣній общихъ. Я позволяю себѣ думать, что, въ смыслѣ

противоположномъ бытописателю древности, новѣйшій, во множествѣ подробностей, чрезвычайномъ разнообразіи источниковъ, равно какъ и въ настоящемъ расположеніи умовъ, встрѣчаетъ препятствія, которыя побѣдить — не всегда въ его власти. Страсть вѣка къ разлагающему анализу, ненависть ко всемъ возсозданіямъ, какъ религіознымъ, такъ историческимъ и нравственнымъ, совершенное отсутствіе убѣжденій непоколебимыхъ, переносимое въ область дѣйствительности, болѣе или менѣе таинственной, воздвигаютъ преткновенія, прежде не знакомыя, равновѣсныя, по мѣньшей мѣрѣ, недостатку точныхъ источниковъ и критики относительно временъ отдаленныхъ; этотъ недостатокъ, извѣстнымъ образомъ, находившій перевѣсъ въ искреннихъ убѣжденіяхъ, исчезалъ, отчасти, передъ ненарушимымъ авторитетомъ историка, всякій разъ, когда изложенія, существенно драматическія, соотвѣтствовали религіознымъ сказаніямъ, простодушной довѣрчивости юныхъ племенъ и даже ихъ предразсудкамъ, опиравшимся на преданія. Исторія, стоя рядомъ съ религіей и стихотворствомъ, имѣла въ древности общее съ ними происхожденіе: всегда прорицатель, *Vates*, былъ ея достопочтеннымъ, какъ бы божественнымъ глашатаемъ; и потому самому нельзя уничтожить повѣрій, окружающихъ колыбель греческой поэзіи и первыя основы Рима, не подорвавъ насильно цѣлаго зданія древности, въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ въ своихъ чертахъ, всемірно принятыхъ, не допускающемъ никакихъ другихъ. Конечно, отъ каждаго изъ насъ зависитъ оспаривать его истину, съ условіемъ — обходиться безъ него. Можно его отрицать, но на его мѣсто нельзя ничего поставить.

Начиная съ XV-го вѣка, порядокъ вполне измѣняется: не только событія принимаютъ иной цвѣтъ, но понятія, могущественнѣе происшествій, развиваясь во множествѣ, сообщаютъ новый ходъ образованности. Религіозныя, правительственныя, литературныя,

художественныя, торговыя, — они не останавливаются ни передъ чѣмъ предшествующимъ, и, въ необузданной смѣлости, подымаютъ уже корень авторитета во всѣхъ вещахъ. Книгопечатаніе содѣйствуетъ такому необычайному порыву; толпа умовъ увлекается движеніемъ, дотошъ небывалымъ. Богословіе, любомудріе, бытописаніе, правовѣдѣніе, науки естественныя и общественныя, — все возникаетъ и все разлагается вмѣстѣ. Неутомимое любопытство, подстрекаемое страстями пламенными, вторгается въ обширную страну разумнѣія, которое, словно, впервые разоблачается. XV-й вѣкъ составляетъ, самъ по себѣ, рѣшительный переломъ нашего духа; но какъ поступать историку, точнѣе сказать: что сдѣлали историки, говорившіе объ этой эпохѣ, для раскрытія истины, для приближенія къ ней, по-крайней-мѣрѣ, при тогдашнемъ безначаліи человѣческой мысли? Гдѣ повѣствователь, начертавшій вѣрный образъ Реформаціи, картину ея, болѣе или менѣе прагматическую? Какимъ способомъ можно, въ исполинской громадѣ взаимныхъ обвиненій, бѣшеныхъ упрековъ, явныхъ клеветъ и закоснѣлыхъ басенъ держать добросовѣстно вѣсы и обнимать цѣлость упомянутаго великаго переворота? Новѣйшій бытописатель, съ перваго шага подчиненный опредѣленному закону — нелицепріятія, видитъ передъ собою, для допросовъ, свидѣтелей, лицепріятныхъ до нелѣпости; напрасно сталъ-бы онъ искать пути соглашенія, если позволено выразиться, — исторической *середки на половинѣ* (*juste-milieu*). Сближеніе невозможно между показаніями крамолъ, тѣмъ болѣе искреннихъ, что онѣ ищутъ славы въ своемъ изступленіи и что ихъ достоинство — въ страсти, ихъ одушевляющей. Безъ сомнѣнія, важныя труды распредѣлялись съ особеннымъ стараніемъ; совершены изумительныя изслѣдованія; свѣжіе источники ожидаютъ только изыскателей; но какое сочиненіе о Реформаціи, изданное въ теченіе послѣднихъ двухъ столѣтій, обнаружило истину такъ, какъ она требуется теперь? Мы

имѣли только исповѣди партій, или обзоры въ родѣ Вольтеровыхъ и Юмовыхъ, очень забавные, хотя мало заботливые о правдѣ, и, вотъ, — надо замѣтить, — неизбежное слѣдствіе обязанности, наложенной на историка: — соблюдать безпристрастіе во что-бы то ни стало. Отсюда тотъ скептицизмъ, послѣдняя форма новѣйшаго бытописанія, форма, впрочемъ, самая соответственная духу сомнѣнія, обуявшему понятія и совѣсть; отсюда, — здѣсь криводушная защита той или другой проигранной тяжбы, тамъ — сокращенія, гдѣ все размѣщено по отношеніямъ числъ, обдуманно раздѣлено на главы; но гдѣ совершенно недостаетъ положительной оцѣнки; гдѣ убѣжденіе повѣствователя подавлено боязнью выразить начало нравственное: — форма исторіи тѣмъ опаснѣйшая, что она ведетъ, болѣе или менѣе прямо, къ отрицанію добра и зла устраниая изъ картины событій Провидѣніе и замѣняя верховные законы общественного порядка, богъ-вѣсть, какимъ-то искусственнымъ механизмомъ, возникшимъ случайно и который унижаетъ человѣка, лишая его лучшихъ надеждъ.

Однако, можетъ статья, возразить: свѣтъ начинаетъ яснѣть по мѣрѣ того, какъ происшествія ближе къ историку. То-ли съ величайшимъ и послѣднимъ изъ переворотовъ, Французской Революціей, коего была свидѣтельницей значительная часть нашего поколѣнія и о коемъ осталая получила свѣдѣнія изъ первыхъ рукъ? Въ необъятной громадѣ сочиненій о томъ, сочиненій всѣхъ видовъ, всѣхъ оттѣнковъ, всѣхъ мнѣній, нашлась-ли, до сихъ поръ, путеводная нить, могущая прямо указывать направленіе историку, желающему начертать образъ этой достопамятной эпохи, о которой все уже сказано, написано и которой ни малѣйшей подробности не скрыло отъ читателей никакое утаеніе. Напротивъ: мракъ сгущается по мѣрѣ того, какъ число твореній возрастаетъ. Среди противорѣчащихъ, но безвыводныхъ преній, свидѣтельствъ, въ коренномъ смыслѣ враждебныхъ и, въ особенности, среди неосто-

рожныхъ софизмовъ, накапливаемыхъ ежедневно, по произволу необузданнаго воображенія собирателей, — скептицизмъ принимаетъ ежеминутно свойства болѣе рѣшительныя. Не говоря о преступной игрѣ ума, посредствомъ коей хотять, забавляясь, превратить эту исповинскую кровавую трагедію въ задачу возстановленій самыхъ неожиданныхъ, — извѣстно, что нѣтъ ни одного тогдашняго случая, нѣтъ ни одного тогдашняго самостоятельнаго лица, ни одного правительственнаго дѣйствія, принимаемаго безъ возраженій и обсуживаемаго безъ оговорокъ. Все, даже до окончательнаго видоизмѣненія Революціи, искажено насмѣхъ и съ каждымъ днемъ переиначивается болѣе. Посмотрите, что сдѣлали изъ Наполеона! Изъ генія могущественнаго, но суроваго и полудикаго, изъ отъявленнаго врага мнѣній демагогическихъ, изъ богатыря, — ума положительнаго и самодержавнаго, создали какого-то проповѣдника вольнолюбивыхъ понятій, апостола демократіи, лице символическое, милое, наконецъ, годный развѣ занять мѣсто между туманными призраками Оссіана. Передъ нашими глазами выросла и распространилась эта историческая фантазмагорія, такъ, что теперь существуетъ собственно два Наполеона, рѣзко между собою различныя: — одинъ, составленный для народа изъ пѣсенъ Беранже и разсказовъ Марко-Сентъ-Илера; другой, — со своими великими качествами и великими заблужденіями, еще живой въ памяти современниковъ, въ обдуманной оцѣнкѣ умовъ степенныхъ, освоенныхъ съ изученіемъ спокойнымъ людей и дѣлъ; но уже на сторонѣ послѣдняго мнѣя голосовъ, и, лѣтъ черезъ сто, Наполеонъ мионическій и революціонный, Наполеонъ-Геркулесъ или Богъ-Солнце, вѣроятно, будетъ изображать преемственное мнѣніе толпы, не смотря на старанія критики, ограниченной въ ту пору числомъ ея поборниковъ-послѣдователей, можетъ статься, столько же малочисленныхъ, какъ нынѣ малочисленны послѣдователи Вольфа и Нибура.

Послѣ двухъ столь разительныхъ доводовъ, взятыхъ между множествомъ другихъ, мы въ правѣ спросить себя: дѣйствительно-ли совершенствуется историческая достовѣрность, вслѣдствіе того, что, съ XV-го столѣтія, все предается тисненію и, обмѣнявшись условіями съ повѣствованіемъ о древности, не встрѣчаетъ-ли она препятствій новыхъ, которыя, въ противоположномъ смыслѣ, лишаютъ событія желанной ясности чрезмѣрнымъ обиліемъ разнородныхъ свѣдѣній, мѣшая разсвѣту яркаго дня? Бытописанію временъ отдаленныхъ недостаетъ положительности: ибо нѣтъ средствъ подтвердить разбирательствомъ достоинство источниковъ, при отсутствіи свидѣтельствъ неопровержимыхъ. Такая исторія носитъ на себѣ печать явно условную: невольно чувствуешь, что искать въ ней точной истины, — стараніе тщетное и, что чѣмъ болѣе она освящена единодушнымъ согласіемъ народовъ, тѣмъ болѣе сопротивляется всякому, нѣсколько пристальному, изысканію. Можно, выразились мы, отрицать сказанія о происшествіяхъ древнихъ, но то, что остается отъ нихъ, подобно памятникамъ древняго искусства, спасеннымъ отъ разрушенія, изваяно изъ гранита и бронзы. Надъ изученіемъ этихъ-то несокрушимыхъ остатковъ напрасно истощается прозорливость новѣйшей критики. Геродотъ и Титъ Ливій принимаютъ, безспорно, цвѣтъ романической, — восходятъ-ли они къ первымъ основамъ, изображаютъ-ли событія современныя; иные, напримѣръ Фукидидъ и Тацитъ, являютъ открыто политическое одушевленіе, совершенно несогласное съ нашими понятіями о философскомъ безпристрастіи, переносимомъ на почву бытописанія; устраните, однако, великихъ повѣствователей тогдашняго времени, и — древняя исторія исчезаетъ. То-же, но въ гораздо высшей степени, можно примѣнить ко всему касающемуся Востока; преданія Индійцевъ, Китайцевъ, Персовъ и другихъ племенъ Азіи, сохранившихъ слѣды прошедшаго, наполнены такимъ количествомъ случаевъ

чудовищно-баснословныхъ, что они, относительно происхожденія племенъ и государствъ, вполне несообразны ни съ какою системою лѣточисленія, ни съ какимъ разумнымъ началомъ Исторіи.

Есть еще особая точка зрѣнія, которую должно обозначить въ будущей судьбѣ изобразителя новѣйшихъ временъ. Ичисляя огромное количество книгъ, предлагаемыхъ ежегодно типографскими станками любопытству читателей, можно представить себѣ чрезвычайную цифру, какой эти непрерываемыя изданія, достигнуть спустя два или три вѣка. Тогда положеніе историка станетъ еще хуже. Захочетъ-ли онъ пользоваться печатными пособіями, — передъ нимъ развернется бездонная пропасть, къ изслѣдованію коей не достанетъ жизни человѣческой; пренебрежетъ-ли такими сокровищами, — онъ лишитъ свой рассказъ всякаго права на довѣріе, нарушитъ существенный законъ бытописанія. Можно утверждать, безъ излишней смѣлости, что въ эпоху, болѣе или менѣе отдаленную отъ нашей, очертанія каждой науки, взятой отдѣльно, распространяясь поступательно, перейдутъ предѣлы ума, и что тогда историки, вмѣстѣ съ прочими подвижниками, посвящающими себя какимъ либо самостоятельнымъ вѣтвямъ знанія, подавленные бременемъ предварительныхъ разысканій и грудой вспомогательныхъ средствъ, скорѣе будутъ останавливаемы, нежели поддерживаемы въ своихъ трудахъ необъятной громадой произведеній книгопечатанія. Сомнительно, чтобы подобное состояніе вещей, приблизительно вѣроятное, послужило къ усугубленію точности нашихъ свѣдѣній вообще и точности исторической, въ особенности.

Не простирая черезчуръ далеко любви къ мнѣніямъ крайнимъ, можно-бы, кажется, заключить изъ вышеприведенныхъ соображеній, что изобрѣтеніе типографскаго искусства постановило, какъ относительно бытописанія, такъ и бытописателей, условія, доселѣ невѣдомыя; но что они, для достовѣрности исторической, нисколько не выгоднѣе

причудливой, полной свободы повѣствователей Греціи, Рима и Среднихъ вѣковъ, до XV-го столѣтія. Затрудненія измѣнились въ свойствахъ, хотя не менѣе важны, не менѣе очевидны. Если человѣческому духу было предоставлено ихъ преодолѣть, — ему, однакожь, не позволено ослѣпляться на счетъ положеній самаго вопроса. Немощность усилій новѣйшей критики, прилагаемой къ древности, за исключеніемъ нѣсколькихъ уединенныхъ отношеній лѣтосчисленія, или подробностей въ нравахъ, искусствахъ и вѣншей жизни народовъ давнопрошедшаго, признана достаточно; но ея принаровненіе къ исторіи современной принесло-ли доселѣ плоды обильные? и, если уже теперь ощущается разительная несоразмѣрность предуготовительныхъ изысканій со слѣдствіями, которыя ученый ищетъ извлекать изъ многообразія источниковъ, открытыхъ его пытливости: то эти затрудненія не угрожаютъ-ли содѣлаться неодолимыми, когда, благодаря тисненію, количество книгъ, съ одной стороны, увеличится въ ужасающемъ объемѣ, а съ другой, — духъ сомнѣнія, скептицизмъ, обращенный въ систему, рѣшительно завладѣтъ всѣми вѣтвями знаній человѣческихъ и станетъ верховнымъ закономъ, послѣднимъ словомъ разумнѣя?

Порѣчье, въ Іюнь 1850-го года.